

А. С. Иванов

Судьба переселения 1943 г. на Югорскую землю как показатель мотивации осуществления принудительных миграций в годы войны

Проблема мотивации этнических депортаций в СССР в 1930-х – начале 1950-х гг., несмотря на значительную историографию последних полутора десятилетий, содержит немало слабо разработанных аспектов. Это находит выражение в существенном расхождении оценок причин и побудительных мотивов принудительных миграций. В данной работе мы не ставим целью анализ историографических точек зрения, которые достаточно успешно обобщил А.А. Шадт¹; отметим лишь, что почти все они указывают причины первичных перемещений спецконтингента (прежде всего политические), оставляя фактически без внимания мотивы его дальнейших передвижений.

Подготовка к переселению 1943 г. проводилась в рамках осуществления совместного постановления СНК и ЦК ВКП (б) от 6. 01. 1942 г. № 19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем востоке»². Эта акция должна была стать очередной переброской людей из южных районов Омской области в ее северную часть. Возможно, именно «предрешенность» данного события позволила некоторым исследователям утверждать, что «депортации (на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов. – *А. И.*) продолжались и в 1943 и в 1944 годах»³. Изучение материалов, относящихся к переселению 1943 г. на Югорскую землю, убеждает нас в ошибочности суждений А.С. Пиманова, так как на территорию округа в централизованном порядке переселенцы завезены не были. В этом можно легко убедиться, если изучить «Справку о завозе и трудоустройстве переселенцев по Ханты-Мансийскому [Государственному

Иванов Александр Сергеевич, студент Сургутского государственного университета.
Эл. почта: 88d@bk.ru

¹ Шадт А.А. Этническая ссылка в Сибири как инструмент советской национальной политики (1940–1950-е гг.) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002. С. 226–227.

² Из постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. / Сост. С.А. Красильников, Д.Н. Нохотович, Т.Н. Осташко и др. Новосибирск, 1996. С. 110–112.

³ Пиманов А.С. Немецкая ссылка в Тюменской области (1941–1955 гг.) // Налоги, инвестиции, капитал. 2004. № 5–6. С. 139.

рыборомышленному] тресту за 1942–1944 гг.», где в графе «1943 год» четко прописано: «Завоз не производился»¹.

Но в чем же была причина отказа от завоза? Потребность в очередном завозе была особенно велика, ведь 11 апреля 1942 г. ГКО было принято постановление о призыве в действующую армию «бывших кулаков», не являвшихся на момент выселения главами семей². К национальному округу это решение имело прямое отношение, так как выселенные в Среднее Приобье составляли до трети (около 30 тыс. чел.) населения округа. Мобилизации привели к тому, что с июля 1942 г. до конца 1945 г. по «спецмобилизациям» в РККА было отправлено 17 тыс. человек (причем только 12 июля 1942 г. было одновременно мобилизовано 1200 спецпоселенцев)³. Изъятие столь значительного количества трудовых ресурсов не могло обойтись без последствий. В середине апреля 1943 г. начальник окружного отдела НКВД Куликов сообщал, что «в связи с освобождением из трудссылки ряда трудпоселенцев... ряд поселковых комендатур рабочую силу согласно договору поставить не могут»⁴. Договор этот заключался на предоставление рабочей силы (трудпоселенцев), и по его условиям районные комендатуры не имели права снимать переселенцев с производства. Но под угрозой серьезных санкций сверху (за срыв призыва в РККА) представители НКВД шли на нарушение договоров. Так, из ведения Локовского рыбозавода было изъято 36 человек⁵.

В этой ситуации предприятия в серьез рассчитывали на переселение 1943 г. и у них были на это все основания. Первые заявки на переселенцев стали поступать еще в начале октября 1942 г., и тогда же они были приняты и учтены при планировании переселения⁶. В дальнейшем, в приказе № 35 по Омгосрыбтресту от 29 января 1943 г., исполняющий обязанности управляющего трестом Мартынов давал уже конкретные указания обеспечить завоз для Нахрачинского рыбозавода 150 человек (примерно треть от числа работавших на тот момент), и это не считая других предприятий рыбтреста⁷. Общая потребность в рабочей силе по заявкам предприятий и организаций округа составила 23690 человек⁸.

¹ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 262. Л. 4.

² Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. – М., 2005. С. 261.

³ Петрушин А.А. Цепелин над Югрой // Великий подвиг народа: Третьи военно-исторические чтения, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне: Докл. и сообщ. Ханты-Мансийск, 5-6 мая 2005 г. Екатеринбург, 2005. С. 48.

⁴ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 2. Л. 33.

⁵ Там же. Л. 25.

⁶ Там же. Д. 11. Л. 30.

⁷ Там же. Д. 22. Л. 150.

⁸ Там же. Л. 95.

Началась подготовка к приему переселенцев. В январе месяце были даны указания начать подготовку жилой площади для приема новоселов, с расчетом закончить эти мероприятия к 1 апреля 1943 г.¹ Были составлены проект и план завоза переселенцев. Первый предусматривал прием и размещение на территории округа лиц переселяемых как в порядке планового государственного переселения, так и в особом порядке по линии НКВД (т. е. спецпереселенцев); общее их количество оценивалось в 22256 человек². Второй включал раскладку по предприятиям и организациям округа 9300 спецпереселенцев³. Были даны следующие указания: строительство новых спецпоселков произвести на «наиболее концентрированных рыболовецких угодьях, подлежащих новому освоению...»⁴.

Директор Сургутского рыбозавода в начале апреля 1943 г. распорядился начать выселение колхозников из домов, предназначенных для переселенцев, выделить наряды на овощи и промтовары для них. Одновременно он указывал, что размещение переселенцев может быть осуществлено лишь при надлежащем снабжении завода инструментом и стройматериалами, которое должно осуществляться одновременно с завозом первых партий переселенцев⁵.

13 марта управляющий трестом В.П. Боганов телеграфировал в Москву о том, что «есть опасения, [что] область не сможет выполнить решение Правительства [о] завозе [в] Ханты-Мансийский округ десяти тыс[яч] трудоспособных, ссылаясь [на] отсутствие внутри области подходящего контингента»⁶. Виктор Петрович видел угрозу срыва решения правительства в нежелании областного центра передавать людей, однако в реальности, как показали последующие события, главная проблема заключалась в другом.

Именно к этому времени (первая половина 1943 г.) относится основная часть дошедших до нас актов обследований производственных и жилищно-бытовых условий спецпереселенцев, завезенных в навигацию 1942 года⁷. В этих источниках поднимается целый ряд проблем, касающихся повседневной жизни спецпереселенцев, а именно: недостаток жилой площади и бытовое неустройство в местах расселения; антисанитария в местах размещения переселенцев; неполный охват детей спецпереселенцев детскими садами и школой; отсутствие заинтересованности переселенцев в получении кредитов. Любой комиссии было ясно,

¹ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 22. Л. 151.

² Там же. Л. 123.

³ Там же. Л. 126.

⁴ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 735. Л. 16.

⁵ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 22. Л. 121.

⁶ Там же. Л. 139.

⁷ Там же. Д. 10. Л. 101–102 об.; Д. 11. Л. 105–105 об.; Д. 2. Л. 79–79 об.; Д. 18. Л. 73.; Д. 23. Л. 2.; ЦДНИО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3918. Л. 6–6 об.; Л. 7–7 об. и др.

что человек, чьи материально-бытовые нужды не были удовлетворены хотя бы на минимальном уровне, не может эффективно работать. Эти проблемы вставали особенно остро в связи с тем, что главным оставался вопрос о рациональности трудоустройства завезенного спецконтингента¹. Проверяющую сторону (в основном это представители Омгосрыбтреста и НКВД) особенно интересовало выполнение норм выработки, так к примеру было выявлено, что на Локосовском рыбозаводе выполняли и перевыполняли нормы 40 человек, в то время как 81 спецпереселенец по тем или иным причинам план (по состоянию на март 1943 г.) не выполнил². Особенно нетерпимым, по их мнению, было то, что квалифицированные специалисты (хотя в той или иной мере это относилось ко всем переселенцам) часто перебрасывались с места на место, что мешало «трудоному освоению контингента»³.

В адрес треста буквально посыпались предупреждения и предостережения. 17 апреля окружной отдел НКВД в третий раз просил предоставить полные данные о возможностях размещения контингента 1943 г., в противном случае майор Куликов угрожал сообщить в Москву о неготовности округа к приему. В то же время он отмечал, что в отсутствие этих данных областное УНКВД вынуждено будет направить переселенцев в другие районы области⁴. И управляющий трестом внял предупреждениям НКВД. Боганов сообщил о готовности жилого фонда к приему первыми пароходами 7500 человек, а также обещал принять меры к устранению «отдельных недостатков» в материально-бытовом устройстве вновь прибывающих и уже размещенных в округе мигрантов⁵.

Но сдержать своего слова он не сумел. Фактическим признанием неспособности решить существующие проблемы явилось игнорирование запроса, направленного 25 марта, и телеграфного «напоминания» 6 мая 1943 г., переданных от имени заместителя начальника УНКВД по Омской области и начальника отдела трудспецпереселений по области. А между тем в адрес чекистов поступили акты обследования Сытоминского рыбозавода и Тундринского рыбоучастка, которые подтвердили ранее поступавшие сведения: люди находились в зимних условиях по несколько дней без топлива, в тесноте, спали на общих нарах по несколько семей, в помещениях не было ни стульев, ни столов, за снабжение переселенцев никто ответственности не нес. Вывод был ясен: трест не смог создать минимально приемлемых материально-бытовых условий, которые бы обеспечивали необходимую производительность труда.

¹ См например: ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10. Л. 102.; Д. 11. Л. 105об.; Д. 23. Л. 2.

² ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 23. Л. 2.

³ Там же. Д. 10. Л. 101–101 об.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 33.

⁵ Там же. Д. 22. Л. 95.

В случае дальнейшего игнорирования их запросов авторы посланий грозили мерами воздействия уже через Наркомат рыбной промышленности СССР¹.

И как выяснилось, это были не только слова. 22 апреля В.П. Боганов направляет телеграмму в адрес наркомрыбпрома СССР с вопросом: почему «несмотря на запросы, решения [о] финансировании завоза нет [и] вопрос [со] временными работниками сопровождения приема не решен?»². Отказ в финансировании и выделении «ответственных» работников был начальным этапом свертывания мероприятий по проведению переселения 1943 г.

Крест на надеждах окружного руководства и в особенности всех производственных начальников на получение дополнительной рабочей силы в навигацию 1943 г. поставила информация, пришедшая 24 апреля по линии отдела трудспецпоселений НКВД СССР управляющему трестом Боганову. В ней говорилось: «Согласно сообщения Наркомата Внутренних дел СССР спецконтингент для работы в рыбной промышленности в 1943 г. завезен не будет». Во второй части документа фактически раскрывается причина отказа. Там говорится: в связи с тем, что завоза в 1943 г. не будет «...необходимо принять все меры к полному освоению спецконтингента, завезенного в 1942 г. улучшив его хозяйственное устройство и создав ему нормальные жилищно-бытовые условия...»³.

Мы видим, что переселение 1943 г. (в случае его осуществления) должно было стать типичной вторичной компенсаторской репрессией⁴ (в отношении спецпереселенцев), основным побудительным мотивом которой являлось форсированное замещение трудоспособного населения (т. е. мотив – экономический), дефицит которого возник в результате действия такого экстраординарного фактора, как Великая Отечественная война. Причиной же отказа от проведения этой акции стало отсутствие условий (производственных и материально-бытовых) для рационального трудоустройства рабочей силы, прибывавшей в округ в результате типологически сходных репрессий.

Авторы, занимающиеся проблемами депортаций (принудительных миграций) народов в СССР, среди побудительных мотивов их проведения выделяют прежде всего причины политические, так они действительно доми-

¹ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 2. Л. 46–46 об.

² Там же. Д. 22. Л. 99.

³ Там же. Д. 2. Л. 49.

⁴ О репрессиях данного типа в отношении сибирских крестьян см.: Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 135.

нируют при первичных репрессиях¹, мы же в данном случае постарались показать мотивацию вторичной репрессии, в которой (в данном конкретном случае) доминируют мотивы социально-экономические, причем экономическая составляющая преобладает, а социальная учитывается лишь в той степени, в какой она способствует решению экономических задач.

Разбирая проблему на одном конкретном примере, трудно претендовать на какие либо обобщения, но даже на столь ограниченном материале видно, что проведение принудительных переселений в СССР не ограничивалось карательной функцией, а представляло собой своеобразный конструктор, в котором по желанию его составителей (государственных ведомств) усиливалась, то одна, то другая составляющая.

¹ См. например: *Хунагов А.С.* «Выселить без права возвращения...» Депортация народов Юга России. 20–50 годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999. С. 18–19.